

циплинарные прикладные науки. Их название воспроизводится в названии специальностей, по которым разворачивается подготовка работников нужной квалификации.

Так происходит в сфере профессионального образования. Но социально-гуманитарное образование в вузах или обществоведческое образование в школах является общим, а не профессиональным. Для его познавательного обеспечения новую науку, пожалуй, создавать не нужно. Здесь достаточно было бы наладить систематическое продуктивное взаимодействие между представителями соответствующих дисциплинарных сообществ, нацеленное на достижение культурно-образовательного междисциплинарного синтеза. В свое время мне довелось обосновывать важность культурно-образовательного философского синтеза в связи с обсуждением вопроса об интегральности мировоззренческих оснований образовательной деятельности [2]. Теперь же возникла необходимость концептуальной разработки проблемы культурно-образовательного синтеза непосредственно в сфере социально-гуманитарного образования, которое является одной из ключевых форм самоформирования, саморазвития современной культуры.

Список цитированных источников

1. Вишневский, М.И. Вопросы оптимизации содержания социально-гуманитарного образования // Вышэйшая школа. 2011. – № 6. – С. 19-22.
2. Вишневский, М.И. Философский синтез как мировоззренческая основа образования: монография. – Могилев: МГУ им. А.А.Кулешова, 1999. – 252 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОСЛАВНОГО БРАТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В МИНСКОЙ ЕПАРХИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Восович С.М.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

На рубеже XIX – начала XX вв. православное братское движение в Минской епархии находилось в состоянии кризиса, который продолжался до 1905 г. Об этом наглядно свидетельствуют отчеты благочинных о состоянии церквей, духовенства и прихожан за 1899 г., в которых сельские братские организации вообще не упоминались. Лишь в рапорте благочинного первого округа Новогрудского уезда протоиерея Иосифа Наревича указывалось, что при некоторых церквях его благочиния существовали братства. При этом настоятель Новогрудского собора отмечал бездеятельность указанных церковно-общественных объединений. По его замечанию, вся активность братчиков состояла в стоянии с зажженными свечами во время богослужений в большие праздники [1, л. 181 об.].

Издание 17 апреля 1905 г. закона «О веротерпимости» привело к активизации миссионерской деятельности неправославного духовенства. Это подтолкнуло православных священно- и церковнослужителей учредить целый ряд церковно-общественных объединений для предотвращения переходов православного населения в другие конфессии, «ополячения и окатоличения белорусов».

Открытию братств в указанный период содействовало местное епархиальное руководство, разработавшее типовой братский устав. 11 августа 1905 г. данный документ был разослан Минской духовной консисторией во все приходы епархии (указ № 8303). Во время ознакомления с ним прихожане некоторых населенных пунктов изъявили желание учредить такие же православно-общественные объединения при своих храмах. Примером может служить история учреждения братства во имя Успения Божьей Матери при Новосадской церкви Минского уезда.

Настоятель указанного храма Николай Дубицкий 25 сентября 1905 г. подал на имя епископа Михаила рапорт, в котором просил разрешения на изменение некоторых пунктов рекомендуемого устава, связанных с внесением членских взносов. Учитывая мнение своих прихожан, он просил уменьшить размер единовременного денежного взноса не менее 1 руб. при вступлении в братскую организацию и ограничиться ежегодными денежными пожертвованиями не менее 25 коп. с каждого члена братства. В ответ Минская духовная консистория 29 октября 1905 г. распорядилась предоставить ей «выпись этого устава в желательной для прихода редакции». Данное задание было выполнено примерно через два месяца (27 декабря). А в марте 1906 г. было получено разрешение от гражданских губернских властей на открытие указанной братской организации [2, л. 15 об. – 20, 39].

В отличие от Новосадского объединения, Свято-Покровское братство, существовавшее при Дудичском приходском храме Игуменского уезда, не изменило при открытии «руководственное пособие», рекомендованное местной епархиальной властью. Это безусловно ускорило процедуру учреждения указанного православного церковно-общественного союза. Дело по организации Дудичского братства началось 12 октября 1905 г. – со дня передачи рапорта священника Иллариона Пастернацкого своему благочинному Павлу Васюковичу, и закончилось 27 февраля 1906 г. Минская духовная консистория разрешила открыть Свято-Покровское братство, не спрашивая разрешения у местного губернатора, так как устав Дудичской организации был точной копией аналогичного документа уже открытого Петриковского объединения [2, л. 42–44].

Не все открываемые в Минской епархии братства при составлении своих уставов руководствовались рекомендованным местной епархиальной властью документом. В г. Мозыре учредители православной церковно-общественной организации – чиновники, мещане, жители ближайших хуторов – руководствовались при разработке проекта устава двумя документами Литовской епархии, а именно: «Уставом Виленского Свято-Духовского братства» и «Уставом приходских церковных православных братств Литовской епархии». Вышеуказанные уставы были изменены с учетом местных нужд храмов и прихожан. Например, если по уставу «Виленскихъ братствъ» председателем совета могло быть исключительно духовное лицо, то в г. Мозыре было решено избирать такового независимо от сословной принадлежности. Это было сделано исходя из того, что светское лицо могло заинтересовать местную интеллигенцию, и миряне могли постепенно приучиться «смотреть на церковно-приходскія дѣла не какъ на узкословныя – духовныя, а какъ на обязательныя для нихъ по носимому ими званію – православныхъ христіанъ» [2, л. 22 об.]. Учредители Мозырского Свято-Кирилловского братства намечали устраивать чтения для народа, в отличие от Литовской епархии, вне храмов. Таким способом они рассчитывали привлечь к организации указанных мероприятий не только духовных, но и светских лиц: первые из них должны были проводить религиозно-нравственную часть, вторые – историческую, что естественно делало чтения образовательными и полезными не только для простого народа, но и для интеллигенции. При этом учитывались факторы (возможность сидения, отопления помещений и др.), позволявшие создать более комфортные условия для слушателей. Акцентировалось внимание в г. Мозыре и на оказании материальной помощи бедным детям, не имевшим возможности посещать школы, что являлось, по мнению братчиков, «причиною моральнаго и матеріальнаго порабоженія нашего бѣлорусса болѣе культурными его сосѣдями» [2, л. 22 об.]. Следует заметить, что в г. Мозыре создавался братский союз, объединивший два городских прихода. Разрешение местного губернатора на открытие братства во имя св. Кирилла, епископа Туровского, при Мозырском Свято-Михайловском соборе было получено епископом Михаилом 14 апреля 1906 г. (отношение за № 2496).

С целью утверждения в приходе православной веры в октябре 1905 г. священник Раковской церкви Константин Околович направил епископу Минскому и Туровскому Михаилу рапорт, в котором просил правящего архиерея не только утвердить проект устава братства во имя местной Крестовоздвиженской иконы Божией Матери (указанный образ находился в одноименном храме, приписном к Раковской Преображенской церкви), но и благословить его создание. Ставя перед братством обширнейшие религиозно-просветительные цели, Константин Околович не обольщал себя надеждами выполнить сразу всю братскую программу, понимая, что масштабы деятельности указанной церковно-общественной организации будут зависеть как от сочувствия прихожан, так и от материальных средств, которыми она будет располагать. На первых порах он намечал лишь «противодѣйствовать во всемъ воинствующему католицизму. Католическимъ праздникамъ противопоставлять свои благолепные православныя торжества; раздавать православныя кресты, иконы, книги и брошюры нравственно-религіознаго содержанія, удовлетворяющія потребностямъ прихода и могущія дать доброе чтеніе простому народу, в противовѣсъ ксендзамъ, которые такъ щедро надѣляютъ всехъ и каждого разными значками и лоскутками (шкаплерами); ввести въ храмъ общенародное чтеніе и внѣбогослужебныя собесѣдованія, которыя являются могущественнымъ средствомъ противъ католической пропаганды. Дальнѣйшими же цѣлями дѣятельности братства являются: украшеніе приходскаго храма, устройство при церкви народной бібліотеки и книжнаго склада и христіанская благотворительность. При такомъ противодѣйствіи католицизму ... тѣ немногіе совращенцы въ латинство, которые были обольщены ксендзами, скоро возвратятся къ своей Матери-Церкви. Совмѣстная энергичная дѣятельность съ ревностными православными братчиками – сестрицами, безъ сомнѣнія, поможетъ наиболѣе скорому осуществленію означенныхъ надеждъ и въ коемъ подорветъ все недозволенныя дѣйствія воинствующаго католицизма» [2, л. 3 об. – 4].

После рассмотрения Минской духовной консисторией проект братского устава был возвращен Константину Околовичу на доработку. После дополнения он был представлен для заключения минскому губернатору, который в письме от 22 марта 1906 г. за № 2085 не видел препятствий к открытию церковного братства во имя Раковской Крестовоздвиженской иконы Божией Матери [2, л. 13–14 об., 40].

26 июня 1906 г. было получено разрешение минского губернатора на открытие братства во имя св. священномученика Макария, митрополита Киевского, при Скрыголовской церкви Мозырского уезда. Создать указанное церковно-общественное объединение подтолкнула местного священника Иоанна Пашина «необходимость болѣе тѣснаго общенія пастыря съ пасомыми, объединенія и взаимной помощи прихожанамъ между собою, забота о болѣе широкомъ прославленіи въ народѣ имени Святаго священномученика Макарія, Митрополита Кіевскаго, борца за православіе и русскую народность, убіеннаго въ Скрыголовѣ, наконецъ появившаяся въ послѣднее время въ некоторыхъ селеніяхъ прихода пропаганда католичества» [2, л. 50]. Совет Скрыголовского братства намечал не только заботиться «о проведеніи въ народную массу прихода сознанія высоты и истинности православной вѣры», но и пробуждать «въ местномъ населеніи національное самосознаніе», то есть разъяснять, что оно принадлежит «къ великой русской семьѣ» [2, л. 52 об.]. С этой целью намечалось регулярно организовывать внебогослужебные собеседования, приобретать и распространять книги, брошюры, листки религиозно-нравственного содержания, открывать

воскресные и «постоянные» школы, открыть братскую библиотеку. Придавалось также большое значение утверждению среди прихожан трезвого образа жизни, уничтожению «праздничного разгула, ночных гульбъ лицъ молодежи и иныхъ явлений, дурно вліяющихъ на религиозно-нравственную жизнь въ приходѣ» [2, л. 53].

В указанном году правящий архиерей Минской епархии утвердил, не обращаясь за разрешением к гражданским властям, уставы Мирского и Зазерского братств. Такая самостоятельность епископа Михаила была вызвана тем, что Зазерская организация во имя Покрова Пресвятой Богородицы создавалась согласно уставу, изложенному в указе Минской духовной консистории от 11 августа 1905 г. за № 8303. Что касается Мирского братства, то его устав был утвержден ещё архиепископом Михаилом (Голубовичем) в 1865 г., но утерян в начале 1890-х гг. Поэтому местному священнику Феликсу Сцепуро пришлось составить новый устав, но уже, по его словам, для преобразованного братства Мирской Свято-Николаевской церкви [2, л. 56–62].

В 1906 г. был поднят вопрос об утверждении уставов местных братств священником Валевской Свято-Петро-Павловской церкви Феодором Дружиловским (прошение от 15 января), иереем Староельненского Свято-Троицкого храма Василием Бобковским (прошение от 21 февраля) [2, л. 63–64, 85].

Староельненское братство во имя Серафима Саровского чудотворца фактически было учреждено 2 января 1906 г. В период со 2 января до 19 февраля в него вступило 31 человек. Заботясь о дальнейшем укреплении указанной организации, местный священник Василий Бобковский просил правящего архиерея Минской епархии епископа Михаила утвердить проект устава данного церковно-общественного союза. В силу того, что проект имел существенные недостатки, он был возвращен на доработку, в которой принял активное участие благочинный первого округа Новогрудского уезда священник Александр Рыбцевич. Так как окончательно исправленный в Минской духовной консистории устав Староельненского объединения представлял собой сокращенное извлечение устава братской организации, уже существовавшей при Коновской Крестовоздвиженской церкви, было решено не спрашивать разрешения у местного губернатора на открытие братства во имя Серафима Саровского чудотворца. 28 сентября 1906 г. священнику Василию Бобковскому было дозволено открыть данное братское объединение. Что касается губернатора, то он был только уведомлен о создании союза во имя Серафима Саровского. Однако гражданские власти посчитали действия духовных властей не соответствующими установленному порядку. 5 января, 26 июля, 31 октября 1907 г. Минское губернское правление трижды просило прислать ему устав братства при Староельненской церкви. Только после этого просьба гражданских властей была выполнена [2, л. 83–84, 125].

Не всегда минский губернатор давал сразу свое согласие на открытие братских организаций. Примером может служить история утверждения устава Новогрудского приходского Свято-Николаевского братского союза. В письме правящему архиерею Минской епархии от 12 декабря 1907 г. за № 398 он указал пять подлежащих устранению недостатков в проекте устава, которые не соответствовали закону 4 марта 1906 г. об обществах и союзах.

Указанная история наглядно свидетельствует об упущениях, совершенных членами местной духовной консистории. Мало того, что они несвоевременно исправили проект братского устава, так настоятель Новогрудского собора Лавр Кляевский не был даже уведомлен о решении местного гражданского губернатора. Через семь месяцев указанный иерей лично сам поднял вопрос о судьбе проекта устава учреждаемой в г. Новогрудке церковно-общественной организации. Неопределенность ситуации усугублялась октябрьским сообщением газеты «Минское слово» об утверждении устава

Минским губернским по делам об обществах Присутствием. В итоге, по словам священника Л. Кляевского «обстоятельство это крайне смущает учредителей и всѣхъ сочувствующихъ дѣлу, понижаетъ степень интереса къ нему, умоляетъ энергію людей и ослабляетъ вѣру ихъ въ жизненность начинанія. Живое дѣло уже вянетъ и гложеть» [2, л. 124].

Просьба настоятеля Новоградского собора о представлении ему братского устава была выполнена лишь после соответствующего распоряжения епископа Михаила. В январе 1908 г. Минская духовная консистория, утвердив изменения, внесенные местным гражданским губернатором, постановила препроводить его священнику Л. Кляевскому.

Если говорить о важнейших событиях братского движения, состоявшихся в 1907 г., несомненно следует упомянуть создание Минского православного народного братства во имя Животворящего Креста Господня. 4 января 1907 г. минский губернатор уведомил епископа Минского и Туровского Михаила письмом за № 2, что с его стороны не имеется препятствий к учреждению планируемой братской ассоциации. В итоге правящий архиерей Минской епархии не только утвердил 9 января устав указанной организации, но и благославил её открытие [2, л. 60–60 об.].

Создание в г. Минске нового типа братства – «народного», стремящего охватить как можно большее количество прихожан, привело к открытию подобных организаций и в других регионах Минской епархии. Одна из первых подобных попыток была предпринята в с. Кухоцкой Воле Пинского уезда. Все прихожане указанного населенного пункта вместе с причтом 21 сентября 1908 г. постановили следующее: «исполняясь ревностію Ильи, вступить въ борьбу съ страстями и пороками, послужить св. свое церкви и обществу. А такъ какъ всякая борьба легче и успѣшнѣе, если ведется дружно, мы рѣшили объединиться подъ стѣною св. своей церкви, подъ знаменемъ Св. Креста – рѣшили образовать Кухоцковольское народное братство, назвав его Ильинским» [2, л. 152–153]. Составив соответствующий акт, его подписало 78 прихожан, 65 из которых были неграмотны, поэтому за них расписался «по ихъ уполномочію» Иван Брен.

Высказавшись за открытие братства, приход Кухоцко-вольской церкви просил епископа Михаила разрешить и благославить открытие указанной организации. При этом все прихожане желали видеть своим почетным покровителем местного правящего архиерея. В ответ, Минская духовная консистория 13 января 1909 г., рассмотрев рапорт священника Константина Будоля, постановила определить ему точно способ существования данного церковно-общественного объединения: как самостоятельного или как отделения Минского православного народного братства во имя Животворящего Креста Господня. Соответственно, предписывалось изменить проект устава Свято-Ильинской братской организации [2, л. 151–155].

Таким образом, в 1905–1907 гг. в Минской епархии был преодолен кризис братского движения. Заслуга в этом принадлежала как руководству Минской епархии, так и местному духовенству, прихожанам. С целью предотвращения переходов православного населения в другие конфессии, «ополячения и окатоличения белорусов» православные братства стали обращать серьезное внимание на свою религиозно-просветительную работу.

Список цитированных источников

1. НИАБ. – Фонд. 136. – Оп. 1. – Д. 36753 (Отчеты и ведомости благочинных о состоянии церквей, духовенства и прихожан по епархии за 1899 г.).

2. НИАБ. – Фонд. 136. – Оп. 1. – Д. 37184 (Дело об открытии братств при церквях епархии, 1905–1910 гг.).